

УДК 378.4(470.41–25):069

**МУЗЕИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (1917–1929 гг.)***И.Б. Сидорова***Аннотация**

Статья посвящена самому драматичному и при этом наименее изученному периоду истории университетских музеев. На основе архивных источников показано, как действовали вплоть до ликвидации гуманитарных факультетов музеи Искусств и древностей, Отечественного и Нумизматического, как затем, оказавшись ненужными в учебном процессе и недоступными для исследователей, они были переданы в Центральный музей Татарской республики вместе с музеем Общества археологии, истории и этнографии. Рассмотрено положение Ботанического сада, пяти музеев физико-математического и двух – медицинского факультетов, сделан вывод о том, что не только ухудшилось их материально-техническое состояние, но изменились принципы руководства и общий статус вместе с понижением роли профессоров и одновременным усилением административно-политических начал в управлении университетом.

Ключевые слова: университет, музеи, кабинеты, коллекции, факультеты, гуманитарные и естественные науки, музееведение.

Музеи университетов и других высших учебных заведений в последние десятилетия всё активнее заявляют о себе и своём значении. В 2000-е годы возникли Комитет университетских музеев и коллекций (UMAC) Международного совета музеев (ICOM), Евразийская ассоциация университетских музеев стран СНГ, региональные и городские ассоциации вузовских музеев. Ежегодно проводятся специальные конференции, издаются научные труды. Одним из направлений исследований является история вузовских музеев, позволяющая лучше понять их современное состояние и перспективы. Особенно это касается музеев старейших университетов, предоставляющих материал для изучения научной, учебной, культурной жизни, а вместе с тем – государственной политики в сфере высшего образования, роли общественности. Несмотря на кажущуюся стабильность, даже консерватизм, за время своего существования они претерпели значительные изменения.

Преимущественное внимание в литературе уделяется дореволюционной истории российских университетов, когда происходило их становление как типа высшего учебного заведения, неотъемлемой частью которого являются музеи. После 1917 г. в результате кардинальных перемен в системе высшего образования статус университетов, а вместе с ними и музеев, существенно изменился. В настоящей статье рассматривается ситуация в одном из старейших российских университетов – Казанском. Время действия – начальный период советской эпохи,

определяемый гражданской войной и новой экономической политикой, практически не изученный по сравнению с предшествующим этапом и последующими десятилетиями. Отчасти это связано с цензурными условиями, из-за которых авторам немногочисленных работ о Зоологическом, Геолого-минералогическом и Этнографическом музеях Казанского государственного университета (КГУ) приходилось после подробной истории комплектования фондовых коллекций до 1917 г. ограничиваться краткими замечаниями о материальных трудностях послереволюционного времени [1–5]. На современном этапе избранная тема частично затрагивается в исследованиях, посвящённых научным направлениям в Казанском университете – археологии, ботанике, геологии, зоологии, истории, минералогии, этнографии и т. д., деятельности выдающихся ученых – Б.Ф. Адлера, Н.И. Воробьева, А.Я. Гордягина, Н.А. Ливанова, А.А. Остроухова, В.Ф. Смолина, В.А. Чердынцева и др. Наиболее активно изучается история создания Этнографического музея и его коллекции [6–9]. В 2000-е годы предметом исследования впервые становится вся совокупность музеев Казанского университета дореволюционной эпохи [10], включая почти забытый Музей искусств и древностей [11], начинается исследование послереволюционных перемен в их жизни [12].

Новые данные о руководителях и сотрудниках университетских музеев, состоянии и деятельности учебно-вспомогательных учреждений позволяют установить документы Национального архива Республики Татарстан (РТ): Совета и правления КГУ, факультетов, музеев, кабинетов и кафедр, а также Национального музея РТ, Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского.

Круг музеев Казанского университета к 1917 г. был более широким, чем сейчас. Он включал три музея историко-филологического факультета: Искусств и древностей, Нумизматический и Отечествоведения, два музея медицинского факультета – Физиологической (Нормальной) и Патологической анатомии. Несколько кабинетов физико-математического факультета имело структурные части, полуофициально называвшиеся музеями: Зоологическим, Зоотомическим, Минералогическим и Геологическим. В кабинете географии и этнографии с 1913/14 уч. г. создавался музей комплексного типа, получивший вскоре название Этнографического. В ботаническом кабинете имелся гербарий, университету принадлежали Ботанический сад и оранжереи.

Революция не повлияла на принципы управления и деятельности музеев, сложившиеся в предшествующую эпоху. Заведующими (директорами) избирались профессора, подотчётные советам факультетов. Финансирование производилось в пределах штатных сумм, выделенных на учебно-вспомогательные учреждения. Совет факультета рассматривал обоснованные заявки на приобретение новых материалов и специальной литературы, в особых случаях ходатайствовал о покупке научных ценностей сверх положенной суммы. Иной порядок осуждался. Так, 26 июня 1919 г. на заседании историко-филологического факультета заведующему Музеем искусств и древностей профессору А.М. Миронову было указано, что «все приобретения в Музей должны иметь предварительное разрешение факультета. Он должен был сообщить о научном значении приобретённых для Музея и записанных в инвентарную книгу под номерами

558–584 предметов». Это упущение было им вскоре исправлено (I. Оп. 2. Д. 1. Л. 70; Д. 2, Л. 21 об. – 22).

Протоколы советов университета и факультетов первых послереволюционных лет свидетельствуют о продолжавшейся практике дарения. Тот же профессор А.М. Миронов в 1919 г. передал из личного собрания три портрета XVIII – первой трети XIX в., акварель и медный триптих XVII в., доложил о коллекции картин и репродукций, подаренной преподавателем французского языка Л.О. Сиклером, о портрете Александра I, переданном директором университетской обсерватории (I. Оп. 1. Д. 123. Л. 46 об.; Оп. 2. Д. 1. Л. 77). В его музее, располагавшем двумя комнатами, проводились учебные занятия, экскурсии для посторонних посетителей. В частности, сохранилась заявка Свияжского уездного отдела народного образования от 26 апреля 1920 г. о проведении 1 мая экскурсии для 200 учащихся, подтвержденная А.М. Мироновым (II. Ед. хр. 2544–2. Л. 21).

Помощником заведующего являлся ассистент при музее. Эта должность была введена вместо прежней должности хранителя в соответствии с законом 1914 г. «Об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях императорских российских университетов». На три музея историко-филологического факультета полагалась всего одна штатная единица ассистента, и руководители музеев – профессора Д.А. Корсаков (Музей Отечестваведения), Д.И. Нагуевский (Нумизматический) и А.М. Миронов (Музей искусств и древностей) – в 1915 г. разрабатывали общую инструкцию. Ассистентом в 1915–1918 гг. состоял магистрант, приват-доцент Б.П. Денике (с 1918 г. – профессор). После его отъезда из Казани на замещение вакантного места подали заявление три претендента. Характер представления кандидатур совету интересен с точки зрения предъявляемых требований. 20 февраля 1919 г. А.М. Миронов доложил факультету следующее: преподаватель университета С.Е. Малов¹ знает восточные языки, «но не знаком, по-видимому, сколько-нибудь близко и непосредственно с историей как западноевропейского, так и русского искусства, без ближайшего знания которого я не представляю себе возможности удовлетворительного выполнения функций ассистента, особенно таких, как объяснения художественных коллекций музея экскурсантам и другим посетителям его, а также участия в научном описании музейных произведений, или научная и художественная оценка предметов, приносимых разными лицами для определения их подлинности, авторства, эпохи и т. д.». Преподаватель Педагогического института В.П. Соколов подготовлен главным образом по истории русского искусства, в то время как К.Н. Кравченко² – по античному, средневековому и новому искусству, «причем достаточные и разносторонние познания её засвидетельствованы и путем проверки этих знаний её на испытаниях у меня по античному искусству, и путем бесед... Кроме этого, К.Н. Кравченко имеет еще то важное для ассистента

¹ Сергей Ефимович Малов (1880–1957) – выпускник Казанской духовной академии и Петербургского университета, тюрколог, доктор языкознания (1935), член-корреспондент АН СССР (1939).

² Ксения Николаевна Кравченко (1894–1985) получила общее образование в Одесском институте благородных девиц, как художница училась в Париже и в Казани. Её муж Николай Николаевич Кравченко был профессором международного права в Казанском университете, с апреля 1919 г. – деканом факультета общественных наук, позднее работал в Саратове и Москве. К.Н. Кравченко получила признание как художник-акварелист, последняя её персональная выставка состоялась в Москве в 1983 г., а работы представлены в Государственной Третьяковской галерее, в Ярославском художественном, в Переславском краеведческом музеях [13].

при музее с библиотекою достоинство, что она хорошо знает языки французский, немецкий и английский, что необходимо для составления каталогов музейской библиотеки, для записи, приемки и выдачи книг на иностранных языках, как и для помощи читающим музейские книги учащимся. Далее, полезно для службы при музее и то, что К.Н. Кравченко – сама художница (как, впрочем, и В.П. Соколов), и потому может оказывать реальную помощь в деле и сохранения, и реставрации художественных произведений, находящихся в музее. Наконец, важно и то, что в отличие от двух других кандидатов она не занимает никаких других служебных мест, которые отвлекали бы её от прямых обязанностей по должности ассистента». 15 марта 1919 г. факультет большинством голосов избрал её ассистентом (I. Оп. 2. Д. 1. Л. 19 об. – 20 об., 30): так она стала первой женщиной-сотрудницей музея КГУ.

Нумизматическим музеем с 1918 г. заведовал известный профессор-востоковед Н.Ф. Катанов, которому помогал С.Е. Малов. 24 декабря 1919 г. Катанов доложил факультету о том, что конфискованные 4 декабря при обыске в университете золотые монеты в количестве 97 единиц возвращены обратно Губернской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией. Кроме того, «в музей доставлены для включения в состав его коллекций жетоны, медали и монеты бронзовые, медные, никелевые и серебряные общим весом в два пуда. Весь этот дар Губернской чрезвычайной комиссии оказывается относящимся до истории и археологии Польши» (I. Оп. 2. Д. 1. Л. 57 об., 118 об.).

В литературе упоминалось о том, что во время гражданской войны в университет на хранение поступили историко-художественные и научные ценности. Архивные источники содержат некоторые подробности. 20 февраля 1919 г. директор Казанского губернского музея профессор Б.Ф. Адлер обратился во Внешкольный подотдел Казанского губернского отдела по просвещению «с просьбой разрешить перевезти картины из университета, собранные из квартир, оставленных бежавшими казанцами осенью 1918 года». Получив санкцию, 27 февраля 1919 г. он просил правление КГУ разрешить забрать из Нумизматического кабинета произведения живописи и прикладного искусства (III. Оп. 1. Д. 8. Л. 25, 29–30). 24 декабря 1919 г. Н.Ф. Катанов информировал историко-филологический факультет: «Недавно закончилось изъятие из Нумизматического музея вещей, положенных туда на хранение без меня, в мое отсутствие, летом 1918 года, и снабженных ярлыками с именами собственников: Черноярова, Казембека, Барбанова, Агапова, Молоствова и Жулина, и что вещи эти суть: посуда, часы, картины, старинные пистолеты, вазы, фотографические аппараты, статуэтки, стереоскопы, альбомы, столики и шкатулки» (I. Оп. 2. Д. 1. Л. 118 об.). Вопрос о том, были эти вещи хозяевами брошены или же отданы на хранение, вряд ли когда-нибудь получит однозначный ответ.

Музей отечествоведения, передавший в 1913–1914 гг. кабинету географии и этнографии свои этнографические и археологические коллекции вместе с прекрасным помещением («залой с хорами»), сохранил библиотеку для научной и учебной работы по русской истории (число практических занятий выросло). Профессор Н.Н. Фирсов, ставший в конце 1916 г. его заведующим, не имея своего ассистента, просил об оплачиваемой должности помощника по библиотеке музея, но безуспешно. В 1919 г. неожиданно встал вопрос о его привлечении к работе

в Казанском губернском музее. Сохранилась копия телеграммы в Москву на имя председателя Музейного отдела Наркомпроса РСФСР Н.И. Троцкой: «Собран большой материал по войне [и] революции. Необходимо создать при музее особый отдел войны [и] революции. Имеется большой знаток этого вопроса профессор Фирсов. Разрешите новую должность заведующего этого отдела» (Ш. Оп. 1. Д. 8. Л. 187). Принадлежал материал Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее – ОАИЭ), которое в 1914 г. поставило целью собрать всё, что касается участия жителей поволжских губерний в первой мировой войне: газеты, журналы, книги, фотографии, солдатские письма, документы и вещи, образцы немецкого и австрийского оружия. За содействием члены ОАИЭ обращались к населению и в воинские части. «Музей современной войны» был особым отделом музея ОАИЭ. Позже в нём появились свидетельства политических событий, и название пришлось изменить на «Музей войны и революции» (Ш. Оп. 1. Д. 7. Л. 185 об.). Заведовал им профессорский стипендиат, приват-доцент, позднее профессор С.П. Сингалевич¹. Осенью 1919 г. весь этот материал был передан временно, для экспонирования, в Казанский губернский музей, но намеченный отдел не был создан. В литературе есть данные о другом Музее революции в Казани (1924–1930 гг.) – детище Истпартотдела Обкома ВКП(б) [14].

Музеи историко-филологического факультета работали до его официального закрытия летом 1921 г., а затем были причислены к факультету общественных наук (далее – ФОН). Ещё раньше на ФОНе обсуждалась идея создания кабинета археологии, где «будут собраны небольшие археологические коллекции, характеризующие отдельные культуры, а также библиотека, карты, чертежи, рисунки, различные муляжи, инструменты и прочие пособия, необходимые для производства практических работ» (I. Оп. 1. Д. 58. Л. 9 об. – 10). Будущая кафедра, согласно решению ФОНа от 6 марта 1922 г., должна была называться «кафедрой археологии и музееведения». Очевидно, планировалось ввести курс музееведения, который профессор Б.Ф. Адлер читал в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте Казани. Согласие на учреждение археологического кабинета выразили 11 марта 1922 г. Главпрофобр и 22 марта – ректор КГУ. Однако 26 мая 1922 г. ФОН был упразднён решением Наркомпроса РСФСР [15, с. 293, 295].

Музеи и кабинеты бывших гуманитарных факультетов перешли в ведение вновь учрежденного Восточно-педагогического института (ВПИ), оставаясь в университетских помещениях. Нумизматический музей оказался совершенно не востребованным. Кабинет искусств (бывший Музей искусств и древностей) сначала использовался по назначению (до 1925 г. читался курс истории искусств), даже пополнялся книгами, изданными в 1920–1925 гг. (II. Документальный каталог библиотеки Музея искусств и древностей. Ед. хр. 2541, Л. 45). Затем художественные коллекции и библиотека по искусству были свёрнуты, и в помещение перенесли «зачатки Археологического кабинета, учреждённого при ФОНе». Таким образом, появился Кабинет истории материальной культуры, служивший

¹ В 1922–1929 гг. С.П. Сингалевич – первый ректор Восточно-педагогического института, в 1932–1937 гг. – замдиректора КГУ.

базой преподавания соответствующей учебной дисциплины для студентов «музейно-этнографического отделения» ВПИ. Заведовал кабинетом его создатель – профессор В.Ф. Смолин¹, но в 1926/27 уч. г. отделение закрыли, и кабинет стал столь же ненужным, как и находившийся рядом Нумизматический музей.

Общество археологии, истории и этнографии попыталось вернуть «замороженные кабинеты, созданные силами и средствами Университета». Как было сказано в письме председателя ОАИЭ Н.Н. Фирсова и секретаря Н.И. Воробьева к правлению КГУ от 31 января 1927 г., «нумизматическое собрание представляется одним из наиболее крупных в СССР, а библиотека по искусству – единственная в Казани солидная библиотека, без которой невозможна работа по вопросам искусства». Поскольку ОАИЭ – «единственная организация при Университете, занимающаяся разработкой исторических дисциплин», она могла бы взять на себя руководство этими кабинетами, привлекая и других исследователей (I. Оп. 1. Д. 114. Л. 2 об.). Правление обратилось в Москву, но каким был ответ – неизвестно. Вскоре, ссылаясь на острый недостаток помещений, руководство университета потребовало освободить кабинеты.

Первым был ликвидирован Кабинет истории материальной культуры (чаще называемый Археологическим). 15 августа 1928 г. состоялась передача 13 коллекций вместе с 13 каталогами – материалов выставки «Каменный век», принадлежавших ОАИЭ, Географическому кабинету КГУ, Кабинету истории материальной культуры и П.А. Пономареву (видному члену ОАИЭ), потом добавилась коллекция профессора Н.Ф. Высоцкого, хранившаяся в Хирургической клинике КГУ (III. Оп. 1. Д. 100. Л. 196; Д. 134. Л. 9 об.). Всего в августе 1928 г. в Центральный музей поступило 1333 предмета [16, с. 28]. Руководство Центрального музея Татарской республики дало согласие на прием коллекции только вместе с библиотекой. В «Отчете о работе Центрального музея ТССР за 1928/29 год» сказано о поступлении Музея искусств и древностей при КГУ со всей библиотекой – около 5 тысяч томов (III. Оп. 1. Д. 114. Л. 118–119).

Археологические и этнографические памятники ОАИЭ с 1913 г. находились в Кабинете географии и этнографии университета. Перед революцией он занимал 6 комнат на втором и третьем этажах, где проводились занятия студентов физико-математического и историко-филологического факультетов, заседания ОАИЭ, председателем которого в 1919–1922 гг. был профессор Б.Ф. Адлер, собрания студенческого кружка «Любителей природы», которым руководил он же. На добровольной основе были объединены собрания кабинета, уникальные коллекции ОАИЭ, Музея отечествоведения, частично – Музея искусств и древностей. Новый музей должен был стать «одной из самых богатых в России лабораторий по изучению культуры человека вообще и культуры местного края в частности» (IV, с. 102, 109). Его замысел перекликался с концепцией Музея антропологии и этнографии Петербургской Академии наук. На средства Общества археологии были перестроены витрины и шкафы, заказана новая мебель, но завершить начатое переоборудование не успели. В отчете кабинета за 1915 г. констатировалось: «Для необходимых целей преподавания выставлены пока лишь Океания,

¹ Виктор Фёдорович Смолин (1890–1932) – выпускник Казанского университета, член ОАИЭ, работал в Казанском университете (1921–1922) и в ВПИ (1922–1929), проводил археологические исследования.

Африка, Америка, Сибирь, Китай; богатейшие же коллекции по Европейской России – исключительно вещи местных инородцев – гордость и слава нашего университета, свалены в плохих ящиках и обеспечены на неминуемую гибель, если не будут вовремя заказаны шкафы». Отдел археологии также не был развёрнут. Б.Ф. Адлер надеялся, что после войны ситуация изменится к лучшему (V, с. 111–114, 116), но всё получилось наоборот.

В отчёте за 1920 г. он указал на прекращение работы по устройству кабинета и роста коллекций по этнографии, антропологии и географии. Удалось развернуть антропологический отдел и организовать выставку частной коллекции Л.О. Сиклера (одежда, украшения, предметы искусства) под названием «Культура народов Востока» (28 сентября 1920 г. – 1 февраля 1921 г.). «Лишь зарисовка этнографических коллекций шла усиленным темпом. Работать в кабинете вообще почти невозможно: температура в -3°C не дает возможности чертить, вода замерзает, газ не идёт... нет приборов – все износилось, нет средств, нет нафталина и формалина для дезинфекции коллекций, которые обречены на гибель, нет спирта для спиртовых препаратов, которые высохли. Одним словом, картина работы прямо-таки удручающая» (I. Оп. 1. Д. 38. Л. 5 об. – 6). Практически то же говорится в отчете за 1921 г. Заведующий ходатайствовал о ремонте протекающей крыши, об отпуске двух пудов нафталина и раствора формалина (I. Оп. 1. Д. 36. Л. 24 об., 28 об.; Оп. 3. Д. 10. Л. 50). Изменить ситуацию Б.Ф. Адлер не мог, несмотря на своё положение профессора, директора Центрального музея Татарской республики, председателя местного Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, члена Совета Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников. В феврале 1922 г. он выехал в длительную командировку за рубеж, после чего в Казань не вернулся, оставшись в Москве. Ещё до отъезда он рекомендовал своего ученика Н.И. Воробьёва¹ временным ассистентом по кафедре географии, этнографии и антропологии, которого в марте 1922 г. утвердили на постоянную должность и вскоре назначили заведующим кабинетом географии и этнографии, что в прежние времена для ассистента было бы невозможно.

В литературе утвердилось мнение, что после отъезда Б.Ф. Адлера в Казанском университете не стало этнографии «как специализации и как науки», а после перехода Н.И. Воробьёва на постоянную работу в Центральный музей Татарской республики (1922) и в Восточно-педагогический институт (1923) прекратилась также собирательская и музейная работа [6, с. 69, 135]. Столь категоричная оценка не вполне справедлива.

В «Отчёте по кафедре географии, этнографии и антропологии за 1923/24 академический год» указывалось, что Н.И. Воробьёв «по своей инициативе провёл антропологический и этнографический практикум для студентов, интересующихся этими вопросами». Примечательно, что он «читал курс музееведения, организованный студенческим кружком “Любителей природы”» (I. Оп. 3. Д. 36. Л. 113 об.). Когда-то Н.И. Воробьёв сам был активным членом этого кружка,

¹ Николай Иосифович Воробьёв (1894–1967) окончил Казанский университет (1918), до 1921 г. работал в Красноярске, затем в Казани. С 1922 г. он был заведующим этнографическим и естественноисторическим отделами Центрального музея ТР, в 1923–1930 гг. – директором, в 1933–1943 – деканом географического факультета Казанского государственного пединститута, с 1946 г. – заместителем директора Казанского филиала Академии наук СССР.

а теперь стал преемником Б.Ф. Адлера и преподавателем этой новой дисциплины. Данный факт не отмечен в научной литературе. Курс музееведения Н.И. Воробьёв читал также в ВПИ в 1924/25 уч. г. (I. Оп. 1. Д. 89. Л. 59).

В Этнографическом музее КГУ в 1923/24 г. им была проведена «основательная чистка и перестановка» на средства Центрального музея (I. Оп. 3. Д. 36. Л. 114). К сожалению, конкретных данных не приводилось. Под руководством Н.И. Воробьёва велось научное описание этнографических коллекций ОАИЭ (VI, с. 3). Помощником являлся ассистент Н.И. Масленников, который приводил в порядок коллекции, регистрировал негативы, диапозитивы, фотографии и рисунки, составил карточный каталог (всего около 2300 карточек). За год было проведено 38 экскурсий для студентов университета, ВПИ, рабфака, воинских частей и профсоюзов (I. Оп. 1. Д. 38. Л. 5 с об.; Оп. 3. Д. 36. Л. 114). Посещали музей отечественные и иностранные учёные, аспиранты. В 20-е годы XX в., как и до революции, при кабинете работали два служителя. Деятельность музея продолжалась и при заведующем кабинетом профессоре В.Н. Сементовском, вернувшемся в Казань в 1926 г. В мае 1929 г. предлагались экскурсии для участников Рабочего культпохода (I. Оп. 3. Д. 161). Инвентаризацией и научным описанием археологических коллекций занималась Л.И. Варакина под руководством хранителя музея ОАИЭ профессора В.Ф. Смолина. Каждая коллекция подробно описывалась по схеме Русского музея, с использованием отечественной и иностранной литературы, рукописей и дневников исследователей, производивших раскопки. К апрелю 1928 г. было описано 45 коллекций и составлен подробный инвентарь (VI, с. 3; VII, с. 5). Это имело большое значение при передаче их в Центральный музей ТАССР.

«Акт передачи» был подписан 10 июня 1929 г. Л.И. Варакиной и заведующим археологическим отделом Центрального музея Н.Ф. Калинин, принимавшим коллекции ОАИЭ. Среди них были материалы Болгарского, Билярского, Укекского и других городищ (предметы, фотографии, рисунки, чертежи), казанские находки (каменные ядра, изразцы, карнизы терракотовые, куски надгробий, глиняные сосуды, железные и медные предметы) и др. Одновременно по просьбе дирекции ЦМ передавались 45 шкафов и 2 музейных витрины. Особо оговаривалось, что права собственности сохраняются за обществом. В январе 1931 г. состоялась последняя передача коллекций. Всего от ОАИЭ поступило 8346 предметов археологии, что составляло около четверти археологического отдела ЦМ. Многие из тех памятников признаны эталонными для Волго-Камского региона [16, с. 26, 33].

Аналогично был решён вопрос о нумизматических коллекциях. Оставшийся в КГУ, но принадлежавший с 1922 г. Восточно-педагогическому институту Нумизматический музей был передан Центральному музею Татарской республики в конце августа – начале сентября 1930 г. ВПИ представлял доцент Д.М. Банин, Центральный музей – Н.Ф. Калинин при участии сотрудника А.В. Васильева. Часть монет и медалей (№ 1–2078) была проверена по документальному каталогу, «остальные коллекции ввиду необходимости спешной перевозки не были детально просмотрены, а лишь тщательно уложены в том порядке, в каком они хранились в витринах, сохраняя у каждого предмета их этикетки». Очень многое находилось в россыпи. Обнаруженные в одном из шкафов нумиз-

матические коллекции ОАИЭ были взяты без проверки, как и шкафчик с надписью «Дар Ф.Т. Васильева 1905 года». Передали три документальных каталога нумизматической коллекции, два каталога библиотеки, книгу записи имущества, различные документы. Всего по акту от 4 сентября 1930 г. из Нумизматического кабинета КГУ поступило около 12 тысяч монет и медалей (III. Оп. 1. Д. 134. Л. 2–3) (см. также [17, с. 35]), когда-то являвшихся гордостью университета. Отдали и музейное оборудование¹.

Судьба естественнонаучных музеев, в отличие от гуманитарных, была не столь печальной, хотя и они немало пострадали от общего ухудшения условий, прежде всего температурных. В начале 20-х годов замерзали и гибли экспонаты в Анатомическом, Зоологическом и Зоотомическом музеях. В то же время процесс пополнения коллекций не прекращался: даже в самые суровые годы гражданской войны, массового голода в Поволжье учёные продолжали сбор материала, совершая для этого ближние и дальние поездки («экскурсии»). Заведующий Зоотомическим кабинетом и музеем, профессор Н.А. Ливанов создал в это время особый отдел по биоценозам Белого и Чёрного морей. К единственной комнате музея в 1921 г. добавилась ещё одна – на третьем этаже университетского здания, что позволило лучше разместить тщательно подобранные коллекции. В отчетах за 1923 и 1924 гг. сообщалось о «многочисленных экскурсиях в Музее беспозвоночных животных» для студентов вузов, учащихся средних учебных заведений и военнослужащих (I. Оп. 3. Д. 23. Л. 5 об., 15 об.; Д. 36. Л. 117 об. – 118).

Богатейший Зоологический музей располагался на втором этаже в трёх залах с хорами. Заведующий (1897–1925 гг.) профессор А.А. Остроумов особенно сожалел о том, что от бескормицы погибла культура стерляди, выращиваемая с 1910 г., – основной объект научных исследований. Сохранность коллекций затруднял недостаток формалина и спирта: «Музейские препараты обречены на высыхание, а между ними имеются препараты значительной ценности, некоторые имеющие уже столетнюю давность» (I. Оп. 3. Д. 10. Л. 36 об.). Крупным приобретением 1921 г. А.А. Остроумов назвал «голову и хвост от белуги весом в 54 пуда, употребленные на изготовление частей скелета» (I. Оп. 3. Д. 10. Л. 35 об.). Гигантская рыба, выловленная в Волге близ Тетюш, стала сенсацией, запечатлённой на фотографиях. Зоологический музей посещало много посторонних посетителей: 700 человек в 1924 г. – красноармейцы, рабочие, курсанты и другие. В качестве экскурсоводов привлекали и студентов. В Зоологическом кабинете, к которому относился музей, кроме профессора, работали 3 ассистента, препаратор и 2 служителя (I. Оп. 3. Д. 36. Л. 121).

От «дровяного голода», как тогда говорили, погибла оранжерея Ботанического сада в Дальне-Архангельской слободе. Заведующий садом (1914–1932) профессор А.Я. Гордягин несколько лет безрезультатно обращался к местным и центральным властям с просьбой починить сломанную изгородь, так как старейший Ботанический сад превратился в пастбище для скота. Тем не менее он обеспечивал научным и учебным материалом ряд кафедр, принимал одиночных посетителей-горожан и организованные группы (за первую половину 1921 г. –

¹ Семь вертикальных стоячих витрин для монет, девять горизонтальных, пять висячих витрин, наклонный столик, стулья, лестница к витринам, бюсты, чернильница, нумизматические весы. Три книжных шкафа и диапозитивный фонарь перешли к ВПИ.

29 экскурсионных групп) (I. Оп. 3. Д. 10. Л. 57). В 1923 г. университет передал сад в бесплатную долгосрочную аренду Наркомату социального обеспечения ТАССР, планировавшему создать там садово-огородный техникум для инвалидов, но вскоре отказавшемуся от проекта из-за отсутствия средств. В марте 1924 г. студенты – члены кружка «Любителей природы» решили восстановить Ботанический сад. При поддержке учёных был разработан план деятельности. Своими силами члены кружка загородили колючей проволокой участок, откуда шла поправа, отыскивали и пересадили на особые грядки случайно уцелевшие культуры, собрали у окрестных жителей унесённые растения, восстановили одну из малых «оранжереек», отремонтировали часть дома садовника. Кружковцы восстановили более тысячи только оранжерейных растений (I. Оп. 3. Д. 36. Л. 130 с об.). Разумеется, для полного восстановления и дальнейшего содержания Ботанического сада требовались значительные средства, которых университет не имел, и потому в 1932 г. окончательно передал сад Горкоммунхозу. Оставались «оранжерейка» на территории университета и ботанический кабинет, который обслуживал два факультета КГУ (физмат и медфак), Институт сельского хозяйства и лесоводства и ВПИ. В 1924 г. его перевели из старой клиники в главное здание, потеснив географический кабинет.

В 1925 г. Наркомпрос РСФСР впервые обратил внимание на положение учебно-вспомогательных учреждений КГУ, предложив составить пятилетние планы развития. Заведующие кабинетами и музеями первой необходимости назвали остекление шкафов и витрин, установку замков, приобретение музейного инвентаря и научной литературы. Все жаловались на перегруженность. Так, за осенние месяцы 1923 г. минералогический кабинет, в котором работали профессор Б.П. Кротов, 4 преподавателя и 2 служителя, принял около 900 студентов, из них университетских – 237. Это отражалось на состоянии музейных предметов и оборудования: ломались кристаллографические модели и витрины, уничтожались минералогические коллекции (I. Оп. 3. Д. 36. Л. 137 об.). Аналогичная ситуация была и в других музеях.

Музейные коллекции или музеи «в начальной стадии организации» признавались за ботаническим кабинетом, кафедрой оперативной хирургии, кабинетом судебной медицины, клиникой кожных и венерических болезней, лабораторией технической химии (I. Оп. 1. Д. 88. Л. 46, 72, 73, 149, 152). Новый музей появился при открытой в 1923 г. кафедре социальной гигиены во главе с профессором В.В. Милославским. Высказывалась необходимость создания музея на новой кафедре почвоведения и агрономической химии, для чего предлагалось использовать богатые почвоведческие коллекции, собранные Р.В. Ризположенским, А.Н. Остряковым, А.Я. Гордягиным и другими, насчитывавшие 250 монолитов и несколько тысяч коробочных образцов, находившихся в коридоре при агрономическом кабинете (I. Оп. 3. Д. 36. Л. 141). Это предложение осталось не осуществлённым. О реальной помощи музеям данных очень мало. В отчете за 1927/28 уч. г. «прекрасным и богатым» признавался Музей нормальной анатомии, помещение которого удалось отремонтировать и заменить неудобные большие шкафы витринами (I. Оп. 5. Д. 64. Л. 32).

Большую тревогу вызывало состояние геологического и минералогического кабинетов, находившихся с 1901 г. на третьем этаже старой клиники. Из-за воз-

росшей нагрузки на пол возникла опасность разрушения здания, и в 1908 г. в трёх комнатах подвели рельсы. После революции приток новых поступлений резко уменьшился, но не иссяк. В 1921 г. поступили минералогические коллекции Ветеринарного института. Устойчивое финансирование научных экспедиций по линии Общества естествоиспытателей прекратилось, масштабных исследований по заявкам хозяйственных и плановых органов, какие будут в 30-е годы, еще не производилось. Тем не менее заведующий кабинетом геологии профессор М.Э. Ноинский, исследовавший западные предгорья Урала, собрал богатый петрографический и палеонтологический материал. Основной упор в преподавательской и научной работе был сделан на региональные природные ресурсы. Благодаря присоединению в 1924 г. соседних помещений стало возможным устроить «музеи по изучению местного края» (I. Оп. 33. Д. 5. Л. 2, 21 об. – 22). Вопрос о размещении геологических и минералогических коллекций был решён в 1929 г. Казанским горсоветом, постановившим передать геофаку здание бывшей духовной семинарии, где он располагается и сегодня.

Прежнего внимания, которое уделялось музеям со стороны советов факультетов, уже не было, как не было и самих советов. Роль профессоров в обсуждении насущных вопросов университетской жизни была сведена до минимума «Положением о высших учебных заведениях» (1921). Учебные дела перешли в ведение предметных комиссий, включавших не только преподавателей, но и студентов. Сохранившиеся протоколы комиссий практически не содержат информации о музеях, зато говорят об активном участии «студенческих фракций» в избрании ассистентов, отклонении по политическим мотивам кандидатур, предложенных заведующими, с формулировкой «далек от нового студенчества» (I. Оп. 33. Д. 5. Л. 5 об. – 6; Д. 9, Л. 12).

В целом же можно сказать, что естественнонаучные музеи Казанского университета, пройдя через суровые испытания первого десятилетия советской власти, выжили. Был утрачен Ботанический сад, несмотря на героические усилия по его спасению силами студенческого кружка «Любителей природы». Статус сохранившихся музеев изменился. Ушли в прошлое реальные «штатные» суммы на содержание музеев, коллегиальное (профессорским составом) рассмотрение их научно-учебных задач. Резко ухудшилось материально-техническое состояние, из-за значительного увеличения контингента студентов возросла нагрузка, минимальной стала поддержка музеев со стороны университетской корпорации, снизилась роль профессуры в решении насущных вопросов. Установившиеся административно-политические принципы управления не благоприятствовали музеям, продолжавшим тем не менее действовать.

Музеи историко-филологического факультета, пережив годы революции и гражданской войны, были закрыты («заморожены») вместе с прекращением преподавания гуманитарных предметов (истории искусства, материальной культуры, археологии) не только в университете, но и в педагогическом институте, в ведение которого их передали в 1922 г. При этом они оказались недоступны и для исследователей. Попытка Общества археологии, истории и этнографии вернуть музеи университету не увенчалась успехом. Правление КГУ потребовало освободить помещения, вследствие чего коллекции вместе с оборудованием в конце 20-х годов XX в. оказались в республиканском музее. С точки зрения сохранения фондов

этот вариант кажется не худшим, но Центральный музей Татарской республики в это время переживал свой период «великого перелома», когда менялись его структура, статус, руководители и сотрудники, перебрасывались из одного места в другое коллекции. В университете из всех гуманитарных музеев сохранился лишь Этнографический музей, относившийся к физико-математическому факультету. Именно в нём впервые для студентов университета началось преподавание Н.И. Воробьёвым «музееведения» – основ музейной науки и практики.

Summary

I.B. Sidorova. Museums of the Kazan University at the Dawn of the Soviet Era (1917–1929).

The article is dedicated to the most dramatic and the least investigated period in the history of the University museums. On the basis of archival sources we show how the Museum of Arts and Antiquities, the Museum of Fatherland Studies, and Numismatic Museum had been working up to the liquidation of the Faculties of Humanities. These museums became unnecessary for academic activity and inaccessible to researchers and so were transferred to the Central Museum of the Tatar Republic together with the Museum of the Society of Archeology, History and Ethnography. Moreover, we examine the position of the Botanic Garden, five museums of the Faculty of Physics and Mathematics, and two museums of the Faculty of Medicine. We conclude that not only their material and technical conditions worsened, but also their management principles and general status changed. The decrease of the role of the professorate was accompanied by the strengthening of administrative and political forms of the University management.

Key words: university, museums, rooms, collections, faculties, humanities and natural sciences, museum studies.

Источники

- I – НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-1337 (Казанский государственный университет).
- II – Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского.
- III – НА РТ. Ф. 2021 (Центральный музей Татарской республики).
- IV – Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год. – Казань, 1914.
- V – Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. – Казань, 1916.
- VI – Отчёт Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете с 31 марта 1924 г. по 1 апреля 1927 г.
- VII – Отчёт Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете с 1 апреля 1927 г. по 1 апреля 1928 г.

Литература

1. *Остроумов А.А.* К истории Зоологического кабинета Казанского университета // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1926. – Т. 86, кн. 1. – С. 12–21.
2. *Тэфанова Т.А.* Геолого-минералогический музей Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина за 150 лет // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1954. – Т. 114, кн. 9. – С. 125–136.
3. *Распопова А.* Геологический музей Казанского Университета: Краткое описание. – Казань, 1934. – 17 с.

4. *Воробьёв Н.И., Бусыгин Е.П., Юсупов П.В.* Этнографический музей Казанского государственного университета // Сов. этнография. – 1948. – № 1. – С. 222–225.
5. Краткие путеводители по университету. Этнографический музей / Сост. Н.И. Воробьёв, Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин. – Казань, 1957. – 22 с.
6. *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Этнография в Казанском университете. – Казань, 2002. – 219 с.
7. *Столярова Г.Р., Гущина Е.Г.* Роль этнографического музея Казанского государственного университета в изучении народов Поволжья и Приуралья // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Проблемы истории и геополитики: Сб. ст. – Чебоксары, 2006. – С. 327–334.
8. *Титова Т.А., Гущина Е.Г.* «Восточные коллекции» в фондах Этнографического музея КГУ // Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 27 июня – 1 июля 2007 г.). – Улан-Удэ, 2007. – С. 38–40.
9. *Гущина Е.Г.* Этнографическое собрание Казанского университета в первой четверти XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 3. – С. 233–239.
10. *Назипова Г.Р.* Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. – Казань, 2004. – 395 с.
11. *Сыченкова Л.А.* Музей древностей и изящных искусств: традиция, требующая возрождения // Казан. соц.-гуманит. вестн. – 2010. – № 2. – С. 14–22.
12. *Сидорова И.Б.* Государственная политика в сфере высшего образования и судьба музеев Казанского университета с 1917 до конца 1930-х гг. // Материалы Междунар. музейного форума в Казани «Музей и общество: современные модели интеграции», 14–18 сент. 2010 г. – Казань, 2011. – Т. 2. – С. 180–185.
13. *Селивёрстова Н.А.* Новые поступления // Коммунар. – 1985. – 29 июня. – С. 4. – URL: <http://pki.botik.ru/articles/gm-postuplenia1985seliv.pdf>, свободный.
14. *Крашенинникова Т.П.* Из истории Казанского музея пролетарской революции // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 2005. – С. 306–315.
15. *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (История в фактах, подтверждённых документами). – Казань, 2004. – Т. 1. – 487 с.
16. *Бугров Д.Г.* Археологические коллекции Общества археологии, истории и этнографии в фондах Национального музея Республики Татарстан: к истории передачи (по документам из архива сектора учета НМ РТ) // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. – Казань, 2004. – Ч. I. – С. 26–34.
17. *Сингатуллина А.З.* Из истории Нумизматического кабинета Общества археологии, истории и этнографии // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сб. науч. ст. и сообщ. – Казань, 2005. – С. 34–41.

Поступила в редакцию
16.04.12

Сидорова Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, туризма и охраны памятников Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Irina.Sidorova@ksu.ru